

© 2018 г.

В. В. СОГРИН

«ВЬЕТНАМСКИЙ СИНДРОМ» США. УРОК ИСТОРИИ?

Согрин Владимир Викторович — доктор исторических наук, профессор, главный редактор журнала «Новая и новейшая история» (Москва, Россия).

DOI: 10.31857/S013038640000112-1

Российская американистика пополнилась исследованием благовещенского историка Д. В. Кузнецова¹. Оно посвящено изучению роли общественного мнения США в формировании национальной внешней политики от войны Соединенных Штатов во Вьетнаме 60—70-х годов прошлого века до 2000-х годов. Автор рассмотрел историю американского общественного мнения сквозь призму так называемого «вьетнамского синдрома» — национального шока от поражения США во Вьетнаме, поразившего все слои общества, включая политический класс.

«Вьетнамский синдром» оказал огромное воздействие на разные сферы американского общества. Не будет преувеличением сказать, что он поколебал, а на какое-то время даже нейтрализовал один из основополагающих архетипов американского общества — представление об американской исключительности. Америка перестала верить в универсализм своих ценностей и своей демократии, на время отреклась от мессианской идеи мировой революции по американскому образцу и даже пошла на примирение со второй сверхдержавой — СССР, как и с Китаем. Без «вьетнамского синдрома» не было бы «разрядки» 1970-х гг., которую со стороны США проводили президент Р. Никсон и его помощник, а затем государственный секретарь Г. Киссинджер. Проводили под давлением мощного общественного мнения, как, конечно, и в соответствии с собственным реалистическим внешнеполитическим анализом.

Г. Киссинджер откровенно указывал на урок, который Вьетнам преподавал Америке: «Пропитанная верой в универсальную привлекательность собственных ценностей, Америка в огромном смысле недооценила препятствия, стоявшие на пути демократизации в обществе, сформированном конфуцианством, где народ сражался за политическую самобытность, очутившись в самом центре натиска посторонних сил... Американский идеализм породил как у официальных лиц, так и у их критиков ложное представление о том, будто бы вьетнамское общество может быть относительно легко и быстро преобразовано в демократию американского типа»².

Вьетнамский синдром на несколько лет приглушил веру американской нации в универсальность ее ценностей и приемлемость либеральной демократии для всех стран мира. Но затем ситуация стала меняться, возродился и выходил на ведущую позицию основополагающий внешнеполитический архетип США — американская исключительность и универсализм американских ценностей, их приемлемость для

¹ Кузнецов Д. В. «Тень» Вьетнама над Америкой. Американское общественное мнение и использование военной силы США (1973—2009). СПб., 2016, 748 с.

² Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1994, с. 634.

всех стран и народов. Почему так происходило и какое отношение к этому имело общественное мнение? — вот вопросы, которые находятся в центре монографии.

Важность общественного мнения для выработки внешнеполитической стратегии США, безусловно, имеет место быть, и мы согласны с автором в том, что это является следствием внутривластной демократии. Пройгнорировать общественное мнение не может ни один участник президентских выборов и ни одна политическая партия. Тому множество примеров. Приведу один из наиболее ярких. Во время Первой мировой войны американское общество в отношении нее разделилось. Часть политиков во главе с высшей степени популярным республиканцем Т. Рузвельтом исходила из того, что США должны без промедления выступить на стороне Антанты против Германии. Но другая часть во главе с лидером демократов В. Вильсоном полагала, что США должны занять позицию нейтралитета. В. Вильсон, победивший на выборах 1912 г., в 1916 г. повторил свой успех, и важнейшей причиной было то, что, как полагали избиратели, отдавшие ему свои голоса, «он удержал нас от войны». На мой взгляд, важной причиной победы нынешнего президента США Д. Трампа на выборах сто лет спустя было то, что он, вняв голосу своих избирателей, осуждал в избирательной кампании не в меру агрессивную внешнеполитическую позицию оппонента от демократической партии Х. Клинтон. Клинтон была потрясена проигрышем политическому дилетанту Трампу, так и не признав, что к власти Трампа привели не русские хакеры, а те американские избиратели, которые не одобряют ее внутри- и внешнеполитической программы.

Признавая роль американских избирателей, а следовательно, и общественного мнения в воздействии на внешнюю политику США, нельзя не указать и на другую сторону взаимоотношения политических лидеров и масс. Без определенной и необходимой для победы на регулярных выборах поддержки общественного мнения масс политики не могут прийти к власти, но самостоятельная роль политиков или, как говорят сегодня, политического класса, также велика. Политики при помощи разнообразных средств влияют на общественное мнение, могут менять его в выгодном для политического класса и элиты в целом направлении.

Тот же В. Вильсон, одержав победу на президентских выборах в 1916 г., начал менять вектор американской внешней политики в удобном ему и его сторонникам направлении, имея в виду, что без включения в войну на стороне победителей США не удастся занять ведущую позицию на мировой арене. Он склонял на свою сторону общественное мнение и заручился его поддержкой, когда США в апреле 1917 г. объявили войну Германии.

Приведу пример иного рода — воздействие политического лидера на общественное мнение. В 1932 г., победив на выборах, Ф. Рузвельт (в отличие от Т. Рузвельта демократ, а не республиканец) пришел к осознанию конкретно-исторической экономической и геополитической необходимости установления дипломатических отношений с СССР³. Но американское общественное мнение было настроено враждебно к СССР и социализму. Политический гроссмейстер Рузвельт сумел примирить с избранной им позицией американскую церковь, антисоветские профсоюзы, других противников советского социализма, и в ноябре 1933 г. дипломатические отношения с СССР были установлены.

А современная внешняя политика Д. Трампа демонстрирует еще один вариант взаимоотношения между общественным мнением избирателей и элиты. Трамп, оказавшись у власти, не смог выполнить своих обещаний в области внешней поли-

³ См. *Согрин В. В.* США в XX—XXI веках. Либерализм. Демократия. Империя. М., 2015, с. 210—252.

тики, прежде всего улучшение отношений с Россией, натолкнувшись на жесткую оппозицию со стороны Конгресса США, как демократов, так и республиканцев, и ему пришлось вернуться к традиционной гегемонистской стратегии.

Изложенное говорит о необходимости, изучая влияние общественного мнения США на внешнюю политику, соизмерять его вес и значение со многими иными факторами. Автор монографии стремится осмыслить это, но возможности подобного осмысления далеко не исчерпаны. Высказав подобное пожелание, вместе с тем признаем, что изучение роли общественного мнения как самостоятельного объекта, предпринятое в монографии, выполнено на высоком уровне. Изучение автором монографии истории общественного мнения США и его воздействия на внешнюю политику опирается на множество первоисточников и исследований. Среди первоисточников главное место принадлежит опросам общественного мнения, которые профессионально ведутся в США на протяжении почти ста лет. Мировое признание получил профессионализм таких социологических институтов, изучающих общественное мнение, как организация Гэллапа, служба Харриса, служба Янкеловича, Центр исследований Пью и многие другие. Кроме того, общественное мнение изучается в опросах, проводимых множеством журналов, газет, телевизионных каналов. Автор монографии, благодаря возможностям современного Интернета, использовал их в полной мере и выстроил сотни таблиц, которые полнокровно освещают отношение американцев к каждой из многочисленных американских войн после Вьетнама, как и к внешней политике каждого президента. Эти таблицы украшают монографию, и многие читатели на их основе могут составить собственное мнение о внешнеполитическом содержании общественного мнения США.

Автор использовал также многочисленные исследования американских историков. Правда, не все. Укажу, например, на исследование Р. Саймона, содержащего богатейший материал о внешнеполитическом общественном мнении США в 1930—1960-е гг. Это исследование показывает коренной перелом в американском общественном мнении по итогам Второй мировой войны, вследствие которого среди большинства американцев утвердилась глобалистская парадигма. Опросы общественного мнения в период с 1937 г. по 1945 г. свидетельствовали, что количество американцев, высказывавшихся в пользу участия США в международной организации, аналогичной Лиге Наций (в данном случае это была ООН), выросло с 25 до более чем 80%. С 1945 г. по 1947 г. в несколько раз увеличилось, в ряде опросов превысив 50%, число тех, кто считал внешнеполитические проблемы наиболее важными для нации⁴. Рост был обусловлен в первую очередь превращением США по итогам Второй мировой войны наряду с СССР в мировую сверхдержаву и с возникновением антагонизма двух сверхдержав. Большинство американцев считали его виновником СССР. Вина заключалась, как это доказывало руководство США и с чем соглашались избиратели, в отказе СССР от проведения в Польше, а затем в других странах Восточной Европы выборов по американским стандартам. В 1946—1948 гг. число опрошенных, высказывавшихся за жесткую позицию в отношении СССР, вдвое превысило количество респондентов с отличным мнением (среди последних только 2% выступали за сохранение и укрепление советско-американских отношений, а остальные занимали нейтральную или безразличную позицию). В опросе 1946 г. 60% осуждали внешнюю политику СССР, а 71% считали позицию американского руководства по отношению к Советскому Союзу излишне мягкой⁵.

⁴ *Simon R. J. Public Opinion in America: 1936—1970. Chicago, 1974, p. 147—148, 123.*

⁵ *Ibid., p. 152, 154.*

Рост антисоветизма подогревался американским политическим классом. Как обобщал Г. Киссинджер, «в 20—30-х годах, когда поколение Никсона и Джонсона вступало в пору юношества, американцы полагали себя выше макиавеллистских деяний европейцев. В течение 40—50-х годов, когда это поколение вступило в сознательный возраст, Америка верила в то, что призвана выполнять праведную глобальную миссию»⁶.

Впрочем, и до 20—30-х гг. мышлению американского руководства и общественного мнения был присущ мессианизм, который по завершению Второй мировой войны приобрел новую качественную характеристику. Автор монографии при характеристике внешнеполитического общественного мнения США уделил роли «врожденного» американского мессианизма должное внимание. Замечу, что тема эта весьма разносторонне рассмотрена в российской обществоведческой литературе и, к чести автора, он это признает и, на мой взгляд, совершенно справедливо признает приоритетную и важнейшую роль в раскрытии этой темы Э. Я. Баталова. Приведу два обобщения пронизательного российского американиста, которые развиваются и в рассматриваемой монографии: «Американское кредо выступает как своего рода политическая идеология, объективизирующая некоторые элементы Американской мечты как совокупности живых массовых представлений американцев о себе, своей стране и окружающем мире⁷... Все нации ставят себя выше, чем стоят на самом деле (даже если публично посыпают свою голову пеплом). Все нации надеются на лучшее будущее. Все верят, пусть лишь в дальних тайниках души, в то, что история уготовила им нечто исключительное. Но, кажется, никогда и никто, разве что имперский Рим, не оценивал свое положение и свои возможности воздействия на ход мировой истории так высоко, как американцы»⁸.

Мессианский архетип американской ментальности возник намного раньше появления экономического фактора имперской экспансии, каковым для американских историков леворадикальной школы (ревизионистов) являлась экономическая мощь американского корпоративного капитала, сложившегося на рубеже XIX—XX вв.⁹ В качестве мессианского архетипа выступило еще убеждение переселенческих протестантских общин о своей избранности и миссии для обустройства идеального христианского *Града на холме*. В следующем столетии восприятие Америки в качестве земли обетованной дополняется представлением о ней как о «новой империи», отличающейся от прежних образцов своим уникальным демократизмом. Известный американский историк Г. Вуд приводил поразительные свидетельства того, что его соотечественники, не только лидеры, но и масса обычных граждан конца XVIII в. считали юные Соединенные Штаты самой просвещенной и «исключительной» страной мирового сообщества¹⁰.

Это самоуверенное убеждение было воспринято отцами-основателями, включая первого президента США Дж. Вашингтона. Но в тот период мессианская идея формирующегося национального сознания, не могла получить практической реализации. Уверовав уже достаточно глубоко в исключительность своей страны и ее избранность для высокой мировой миссии, американцы, их духовные и политические лидеры делали упор на то, что Америка являет собой образец для подражания, подает всем другим пример идеального общественно-политического устройства.

⁶ Киссинджер Г. Указ. соч., с. 613.

⁷ Баталов Э.Я. Русская идея и американская мечта. М., 2009, с. 33.

⁸ Баталов Э. Я. Мировое развитие и мировой порядок. М., 2005, с. 11.

⁹ Подробно см. Согрин В. В. Американская империя как исторический и современный феномен. — Новая и новейшая история, 2016, № 3, с. 94.

¹⁰ Wood G. The Idea of America. Norwalk (Conn.). 2011, p. 273—290.

Поэтому я не соглашусь с утверждением автора монографии, что «практически все президентские администрации, находившиеся у власти в США с момента возникновения американского государства, при проведении своей внешней политики неизменно прибегали к использованию военной силы» (с. 121).

Ситуация резко меняется со второй четверти XIX в. А подлинно реальной внешнеполитической силой мессианизм становится с рубежа XIX—XX вв., когда оформляется мощный американский корпоративный капитал, США вступают в борьбу за лидерство на мировом рынке, сокрушают испанскую империю, создают свою собственную, во многом отличную от прежних европейских. Одно из главных отличий состояло в том, что наступательная внешняя политика сочеталась с сохранением и развитием внутривнутриполитической демократии. Таковой была и отличительная черта национального общественного мнения — оно желало существовать в демократической стране, утверждающей одновременно свою гегемонию в мире. Проект этой мировой «демократической империи» был начертан в 1916—1918 гг. В. Вильсоном. Тогда американский политический класс не одобрил его¹¹. Но по итогам Второй мировой войны вильсонизм восторжествовал.

В период после Второй мировой войны вплоть до конца 1960-х годов американское общественное мнение, как показывают материалы книги, поддерживало гегемонистские стремления своей страны, включая использование войн. Оно одобряло антикоммунистические доктрины Г. Трумэна, Д. Эйзенхауэра, Дж. Кеннеди, Л. Джонсона, как и установки на «сдерживание» и «отбрасывание» СССР и др. Перелом наступил в 1967—1968 гг., когда резко возросли американские потери во Вьетнаме, США терпели поражение за поражением, молодежь активно сжигала призывные повестки и вовлекалась в массовое антивоенное движение. Оригинальным вкладом автора монографии в отечественную американистику является то, что он не только проследил радикальную эволюцию общественного мнения, но и раскрыл меняющиеся позиции разных социальных групп и слоев.

Американская молодежь до начала войны во Вьетнаме была в меньшей степени, чем старшее поколение, настроена против использования США военной силы. По мнению американских исследователей, это объяснялось тем, что старшее поколение помнило ощутимые потери и следствия военных действий США в период Второй мировой войны и войны в Корее 1950—1953 гг. Но под воздействием войны во Вьетнаме именно молодежь заняла ведущую позицию в антивоенном движении и оказалась в наибольшей степени поражена «вьетнамским синдромом». Под воздействием поражения во Вьетнаме большинство — 60% — причем мужчин и женщин примерно поровну, осуждали внешнюю политику Кеннеди — Джонсона. Также против войны во Вьетнаме выступали протестанты и католики — две главные религиозные группы США. Войну осуждали белые — 59% и цветные — 62%. Нижние экономические слои осуждали войну активнее, чем верхние. Это означало перемену в сравнение с довоенным периодом, когда милитаристские настроения среди нижних слоев были распространены в большей степени (с. 184—220). В конце 60-х годов войну осуждало большинство сторонников как демократической, так и республиканской партий, но количество антивоенно настроенных демократов увеличивалось в больших пропорциях. Демократы отворачивались от своей партии, главной виновницы войны.

В восприятии американского населения внешняя политика Кеннеди — Джонсона вошла в историю со знаком минус.

¹¹ Согрин В. В. Рождение американской империи: 1898—1918. Причины, цели, методы. — Новая и новейшая история, 2013, № 3, с. 61—84.

Оценки американцами (%) военных акций правительства Кеннеди — Джонсона. Опрос 1974 г.¹²

Событие	Повод для гордости	Повод для стыда	Ни то, ни другое
Вмешательство США в Доминиканской республике (1965)	10	20	70
Роль США во Вьетнамской войне	8	72	20

Оценка избирателями итогов восьмилетнего правления Демократической партии в ходе президентских выборов 1968 г., несмотря на то что это правление сопровождалось успехами в экономике и социальных реформах, была отрицательной. Пришедшие к власти республиканцы во главе с Р. Никсоном предложили всесторонний пересмотр американской внешнеполитической стратегии. Никсон в интервью журналу «Тайм» 1 января 1972 г. заявил: «Полагаю, что мы станем жить в более безопасном и лучшем мире, если в нем будут существовать сильные и здоровые Соединенные Штаты, Европа, Советский Союз, Китай, Япония, которые выстраивали бы баланс в отношениях друг с другом, а не противостояние. Баланс на равных»¹³.

Первой стратегической новацией Вашингтона стала *доктрина Никсона*, или *гуамская доктрина* (обнародована впервые летом 1969 г. в речи на Гуаме), вносящая важное изменение в политику США в отношении военной помощи «союзникам и друзьям» и «обороны свободных стран мира». Согласно упомянутой доктрине, США брали на себя обязательство обеспечивать «щит» этим странам в двух случаях — когда «их выживание жизненно важно с точки зрения нашей безопасности» и «если им будет угрожать ядерная держава». В других случаях эти страны должны были позаботиться о себе сами.

Доктрина прежде всего имела отношение к Юго-Восточной Азии. Еще в 1968 г. Никсон выступил в пользу «вьетнамизации» войны против Ханоя как важнейшего условия вывода из региона американских войск. Теперь модель «вьетнамизации» предлагалось распространить на другую «периферию». Никсон и его «мозговой трест» предприняли усилия для того, чтобы убедить Москву и мир в том, что новый внешнеполитический курс избран всерьез и надолго. Киссинджер ввел в практику подготовку ежегодных пространственных аналитических докладов о реалистической «здоровой внешней политике», публиковавшихся затем за подписью Никсона. Уже в первых докладах была протянута «оливковая ветвь» советскому руководству: «Внутреннее устройство СССР как таковое не является предметом нашей политики... Наши отношения с СССР, как и с другими странами определяются его поведением в международном плане... конкретные договоренности и способ достижения мира, вырабатываемые при их помощи будут проистекать из реалистического приспособления конфликтующих интересов друг к другу»¹⁴.

¹² Цит. по: Савельева И. М., Полетаев А. В. Социальные представления о прошлом, или знают ли американцы историю. М., 2008, с. 384.

¹³ Цит. по: Aron R. The Liberal Republic. The United States and the World.. Cambridge (Mass.), 1974, p. 141.

¹⁴ Киссинджер Г. Указ. соч., с. 647.

В мае 1972 г. во время визита Никсона в Москву были подписаны эпохальные договоры об ограничении стратегических вооружений (ОСВ-1) и противоракетной обороны. «Вьетнамский синдром» привел США к принятию политики «разрядки».

Но уже во время проведения администрацией США политики «разрядки» американский политический класс разделился, и возраставшая его часть решительно воспротивилась новому курсу в отношениях с СССР. Американские «ястребы», воспользовавшись внутривластным скандалом 1974 г., сопровождавшемся отставкой Р. Никсона с поста президента, стали включать в так называемую «привязку» в отношениях с Москвой внутривластные проблемы СССР. Лидер консерваторов в сенате США, руководитель подкомитета по вопросам контроля над вооружениями Г. Джексон повел на «разрядку» лобовую атаку и «объявил мобилизацию сторонников, чтобы остановить ее на полпути»¹⁵. Вместе с членом палаты представителей Ч. Вэником он внес на рассмотрение Конгресса проект, увязывавший предоставление СССР статуса наибольшего благоприятствования в торговле с США с принятием Москвой правил свободного выезда евреев из Советского Союза. До этого СССР намного облегчил этот выезд: еврейская эмиграция выросла с 400 человек в 1968 г. до 35 тыс. в 1973 г. Но американские консерваторы требовали увеличить эту цифру до 60 тыс. чел., а также одобрить удобные им правила выезда. «Поправка Джексона — Вэника», как она стала известна, была одобрена в 1974 г. обеими палатами Конгресса. В ответ СССР денонсировал ряд экономических соглашений с США. «Разрядка» была торпедирована американскими консерваторами, главный мотив которых заключался в протесте против киссинджеровской доктрины «достаточности» и «равенства» с СССР в ядерных вооружениях. Консерваторы возражали против сокращения американской ядерной мощи, доказывая, что «разрядка» выгодна исключительно Москве. «Еврейский вопрос», как отмечал Киссинджер, явился не более чем поводом для достижения их главной цели¹⁶.

Разделение американского политического класса в отношении политики «разрядки», как доказывается в монографии Д. В. Кузнецова, не означало преодоления в 1970-х годах «вьетнамского синдрома». Как показывали опросы общественного мнения, все слои американцев в большинстве отказывали власти в военных действиях против неугодных режимов. Яркое это проявилось во время иранской революции 1979 г., носившей антиамериканский характер. В подавляющем большинстве общество, как свидетельствовали опросы общественного мнения, было против использования военных методов для освобождения американских заложников, захваченных иранцами в посольстве США. Также опросы общественного мнения свидетельствовали о неприятии американцами силовых способов достижения гегемонистских целей США в Африке, Латинской Америке, Азии. Республиканское правительство Дж. Форда (1974—1977) и демократическая администрация Дж. Картера (1977—1981) принимали в расчет «вьетнамский синдром» общества и выдвигали на передний план американской внешней политики дипломатию другие, мирные средства, прежде всего санкции, которые стали широко использоваться после провала военных способов утверждения проамериканского режима во Вьетнаме (с. 273—293).

Образцом использования США и Западом «мягкой силы» стало Хельсинкское совещание 1975 г. Страны Западной Европы согласились с предложением стран Варшавского договора провести общеевропейское совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе при условии участия в нем США и Канады. Страны Вар-

¹⁵ Там же, с. 679.

¹⁶ Там же, с. 679—689.

шавского договора дали согласие, и был запущен хельсинкский процесс, имевший, как выяснилось позднее, опасные подводные камни для СССР. В США разгорелись острые дискуссии в связи с согласием администрации Никсона включиться в процесс, инициированный СССР. «Ястребы» обвиняли Никсона и Киссинджера в предательстве национальных интересов. Но президент и госсекретарь вступили в сложную политическую игру в надежде повернуть процесс в нужное русло, что им и удалось. На финальном этапе процесса, Хельсинкском совещании 1975 г. на высшем уровне (уже после отставки Никсона) 35 стран, включая СССР и США, были приняты решения, разворачивавшие соперничество двух сверхдержав и двух систем в направлении, выгодном для Запада.

Вот как суммировал итоги хельсинкского процесса и заключительного совещания Г. Киссинджер: «Наиболее важным положением Хельсинкских соглашений явилась так называемая “третья корзина” по вопросам прав человека (“первая” и “вторая” “корзины” соответственно касались политических и экономических вопросов). “Третьей корзине” было суждено сыграть ведущую роль в исчезновении орбиты советских спутников, и она стала заслуженной наградой всем активистам в области прав человека в странах НАТО. Американская делегация, безусловно, внесла свой вклад в выработку заключительного акта Хельсинкских соглашений... “Третья корзина” обязывала все подписавшие соглашение страны претворять в жизнь и обеспечивать определенные, конкретно перечисленные основные права человека. Западные составители этого раздела надеялись, что эти положения создадут международный стандарт, который будет сдерживать советские репрессии против диссидентов и преобразователей. Как выяснилось, герои-реформаторы в Восточной Европе использовали “третью корзину” как фундамент сплочения в борьбе за освобождение своих стран от советского владычества... Европейское Совещание по безопасности, таким образом, сыграло важную роль двойного характера: на предварительных этапах оно делало более умеренным советское поведение в Европе, а впоследствии — ускорило развал советской империи... Конференция выдвинула *наши* стандарты человеческого поведения»¹⁷.

Что касается «вьетнамского синдрома», то его ослабление, отразившееся в опросах общественного мнения, произошло в период президентства Р. Рейгана (1981—1989). В 1980 г. поражение Демократической партии на президентских выборах с внешнеполитической точки зрения имело совершенно иную причину, нежели ее поражение в 1968 г. Если в 1968 г. избиратели отстранили демократов по причине поражения во Вьетнаме, то в 1980 г. американцы отказали в избрании на второй срок демократу Дж. Картеру по причине его «мягкотелости». Картер в своей внешней политике выдвигал на первое место дипломатию, «мягкую силу», санкции, права человека. Неоконсерваторы во главе с республиканцем Р. Рейганом обвиняли их в «попустительстве» СССР, «потере» Анголы, Мозамбика и Эфиопии в Африке, Никарагуа в Латинской Америке. Ослаблению «вьетнамского синдрома» и возрождению доверия к военной силе в массовом сознании способствовал ввод советских войск в Афганистан в 1979 г. Тема «советской угрозы», необходимости «перелома» в «холодной войне» стала центральной в предвыборной риторике Р. Рейгана. Личность этого политика, умевшего «обаять» самые разные слои избирателей и прозванного по этой причине оппонентами «тефлоновым» президентом, сыграла важнейшую роль в изменении общественного мнения, в возрождении идеологии «американской исключительности» в качестве центральной и господствующей в национальном сознании и общественном мнении. Придя к власти,

¹⁷ Киссинджер Г. Указ. соч., с. 690—692.

Рейган незамедлительно объявил СССР «империей зла», поставил целью победу в «холодной войне» и предложил программу резкого наращивания военных расходов, качественного перевооружения США. Разведывательные службы силовых структур приводили расчеты, свидетельствовавшие, что СССР экономически неуклонно слабел и отставал от США, появилась реальная возможность измотать его в гонке вооружений и нанести противнику № 1 решающий удар.

Все военные программы Рейгана, включая размещение средств противоракетной обороны в космосе (известна как программа «звездных войн»), были одобрены политическим классом. Общественное мнение прониклось рейгановским антисоветизмом, одобряя во всех опросах борьбу с СССР во всех регионах, в первую очередь в Европе, как главную внешнеполитическую цель. США стали размещать ядерные ракеты среднего и ближнего радиуса действия в европейских странах НАТО. СССР вступил в переговоры с Вашингтоном, но тот категорически отвергал любые компромиссы. В 1983 г. СССР вышел из переговоров.

США восстановили подход «с позиции силы» к «периферии», в первую очередь в отношении отклонявшихся от североамериканской модели странах Латинской Америки. В 1983 г. Рейган осуществил военную интервенцию в Гренаду, и общественное мнение поддержало ликвидацию «марксистского режима» в этой стране (с. 323, 328). Участники опросов 1983 и 1985 гг. признали «ошибкой» войну во Вьетнаме (с. 341), но возрождению имперского мессианизма это не мешало.

На развитие советско-американского соперничества оказал влияние приход к власти в СССР в марте 1985 г. М. С. Горбачёва. Новый генеральный секретарь ЦК КПСС предложил перестройку как внутренней, так и внешней политики СССР. Внешнеполитическая перестройка, включавшая отказ от классового подхода и восприятие «общечеловеческих ценностей», означала признание чрезмерного «перенапряжения» СССР в ядерном и глобальном соперничестве с США, готовность идти на компромиссы и уступки для того, чтобы высвободить ресурсы, необходимые для вывода реального социализма из глубокого экономического кризиса. Рейган, приняв вызов Горбачёва, начал выработать собственные правила «игры» в перестройке мировой политики.

К концу 1987 г., выяснилось, что горбачевское внутривнутриполитическое «ускорение» не дает желаемых результатов. Тогда была выдвинута цель создания обновленной модели социализма, основой которой объявлялись политическая демократизация и социалистический рынок. Обновленная модель социализма также не принесла результатов, а запущенная Горбачёвым демократизация, включившая классические западные механизмы (альтернативные выборы, разделение властей, отмена цензуры, свобода собраний, партий и др.), обернулась против него. Силу стала набирать либерально-радикальная оппозиция, которую активно поддерживала разочаровавшаяся в возможности улучшения социализма часть масс. Б. Н. Ельцин, бывший высокопоставленный коммунист, а теперь лидер прозападной антикоммунистической оппозиции, одержал победу на президентских выборах в России в июне 1991 г.

«Перестройка» мировой политики 1985—1991 гг. ознаменовала завершение «холодной войны». Оно оказалось возможным в результате компромиссов и уступок, главным образом со стороны СССР, что имело следствием утверждение США в качестве единственной сверхдержавы. США и либеральный капитализм обнаружили большую притягательность для многих стран социалистического лагеря. Восточноевропейские союзники СССР, как показал ход событий, тяготились включением в социалистический лагерь по итогам Второй мировой войны. Когда в конце 1980-х годов

горбачевским руководством им была предоставлена возможность свободного выбора между социализмом и либеральным капитализмом, они выбрали последний.

На рубеже 80—90-х годов и Р. Рейган, и Дж. Буш-старший (президент США в 1989—1993 гг.) на словах оценивали исход «холодной войны» как успех всего человечества без победителей и проигравших. Но после роспуска СССР в 1991 г. выяснилось, что такая оценка имела тактический характер, предназначалась для того, чтобы не раздражать советского оппонента, но при этом вести с ним «игру» к выгоде для США. Уже в 1992 г. во время президентской избирательной кампании Дж. Буш-старший предъявил американскому обществу козырную карту: «Мы одержали победу в “холодной войне”». Это утверждение стало общим местом в американской внешнеполитической идеологии и убеждением большинства граждан США. США без промедления идентифицировали себя как единственную сверхдержаву. Для руководства страны и политического класса в целом отсюда вытекали принципиально важные заключения. Первое состояло в том, что прежний миропорядок, в котором соперничали и делили мир США и СССР, исчез, поэтому нужно формировать основы нового миропорядка. Следующий постулат — Соединенным Штатам по праву победителя и потому, что они стали единственным мировым лидером, принадлежит руководящая роль в формулировании и выстраивании нового миропорядка. Претензии США на роль Римской империи периода после «холодной войны» были одобрены американским политическим классом и стали успешно навязываться общественному мнению.

Опросы общественного мнения в США показывали, что американцы в период горбачевской перестройки и в годы ельцинского президентства перестали видеть в СССР, а затем в России, главную и даже реальную угрозу, рассматривали окончание «холодной войны» как ликвидацию реального социализма и всемирную победу США (с. 379, 381, 388, 389, 400). В конце «холодной войны США с одобрения советского руководства нанесли поражение Ираку и установили безраздельное влияние на Ближнем Востоке. Все это дало основание президенту США Дж. Бушу весной 1991 г. заявить: «Мы избавились от “вьетнамского синдрома” раз и навсегда» (с. 402). Отметим, что опросы общественного мнения в СССР, начавшиеся в период горбачевской перестройки, показывали, что советские люди испытывали к США нарастающие симпатии, не имели «комплекса» неполноценности по поводу утраты Советским Союзом статуса сверхдержавы, были лояльны в отношении Вашингтона, хотели «жить как американцы». Большинство россиян поддерживали своего президента Б. Н. Ельцина, который занял откровенно проамериканскую позицию, повторял как мантру утверждение о цивилизационной, по американской модели, общности России и США¹⁸.

Демократ Б. Клинтон, победивший Дж. Буша-старшего на президентских выборах 1992 г., воспринял принципиальный подход, обозначившийся во внешней политике Вашингтона по завершению «холодной войны». Утверждение нового глобального миропорядка по американской модели в условиях безраздельного господства США, наделивших себя функцией дирижера и распорядителя мировой экономики и политики, — вот ее суть. Особое значение Клинтон и демократы придавали переустройству мирового экономического порядка. Мир вступил в «эру глобализации», в которой господствующее место заняли американские транснациональные корпорации. США надлежало стать вдохновителем и лидером «эры глобализации».

¹⁸ Согрин В. В. Почему Россия и США не понимают друг друга. — Новая и новейшая история, 2017, № 2, с. 87.

В период президентства Клинтона США фактически присвоили себе функции мирового полицейского, что имело следствием резкое возрастание вмешательства Соединенных Штатов во внутренние конфликты на всех континентах мира. Это означало негласную расширительную трактовку доктрины Монро. Если Т. Рузвельт в начале XX в. внес в нее поправку, наделявшую США ролью полицейского в странах Латинской Америки, то Б. Клинтон своими действиями расширил ее до права США быть полицейским всего земного шара. В «классику» гегемонистской риторики вошло определение государственным секретарем М. Олбрайт Соединенных Штатов» как «незаменимой нации» (*indispensable nation*) в роли мирового лидера.

США не только усилили собственное гегемонистское присутствие в Европе, но и способствовали превращению ее в главную военную базу блока НАТО. В начале 1994 г. Б. Клинтон указал на неотвратимость расширения НАТО, заявив, что вопрос этот решенный и он должен быть переведен в плоскость «как и когда». Был составлен график вступления в альянс центральноевропейских стран, как и прибалтийских, бывших советских, республик. Процесс расширения НАТО начался. На его завершение понадобилось не менее 10 лет, но основная работа была проделана в период президентства Клинтона. Российского президента Ельцина «усыпили» программой «Партнерство ради мира», в которую включились как бывшие сателлиты СССР, так и Россия. Она означала прямой обман Ельцина американцами: «Ельцину разъяснили, что участие в программе означает именно сотрудничество, никакого членства оно не подразумевает. Но едва программа заработала, начался процесс расширения НАТО»¹⁹. России в программе дали право голоса, но не право вето, и она не смогла остановить включение стран Восточной Европы в атлантический военный блок.

Клинтон также усилил демократическую риторику «полицейской» поправки. Одно из главных мест заняла в ней концепция «гуманитарной интервенции». В период президентства Клинтона США совершили более 10 вооруженных «гуманитарных интервенций». Как реагировали на них американцы? По-разному при этом, как показано в рассматриваемой монографии, резко возросшее значение в формировании общественного мнения приобрел «фактор CNN», как обозначают аналитики воздействие этого информационного телеканала, как и в целом средств массовой информации, на массовую американскую аудиторию. Одобряемая большинством американскими СМИ роль США как мирового гегемона оказала соответствующее воздействие на общественное мнение, смягчая, а в ряде случаев полностью нейтрализуя «вьетнамский синдром». Как отмечается в монографии, именно «американские СМИ активизировали процесс втягивания США в ситуацию, сложившуюся в Сомали, Боснии и Герцоговине, Косове» (с. 440).

Правда, военные реалии, как это имело место в Сомали, могли серьезно повлиять на общественное мнение. Интервенция в Сомали была начата под эгидой ООН еще в конце 1992 г., а в начале следующего года туда прибыл 25-тысячный контингент американских вооруженных сил. Госдепартамент США доказывал, что операция ставит целью устранение диктаторского режима генерала М. Айдида. Айдид, однако, организовал упорное сопротивление, американские войска стали нести потери. Крайним унижением вооруженных сил США стал эпизод, когда раненого американского солдата под телевизионную камеру и улюлюканье толпы протаскивали по улицам сомалийской столицы. В США развернулась широкая кампания за вывод американских военных из Сомали, поддержка действий администрации со

¹⁹ *Стент А.* Почему Америка и Россия не слышат друг друга. Взгляд Вашингтона на новейшую историю российско-американских отношений. М., 2015, с. 66 (*Stent A. E. The Limits of Partnership. U.S.-Russian Relations in the Twenty-first Century. Princeton — Oxford, 2014*).

стороны общественного мнения упала с более чем 50% до 35% (с. 443), и Клинтон в мае 1994 г. должен был ретироваться из этой африканской страны. Шок от неудачи сомалийской операции был настолько силен, что в 1994 г. США закрыли глаза на истребление в другой африканской стране, Руанде, 800 тысяч представителей народности Тутси.

Но вот «гуманитарные интервенции» США в бывшей Югославии увенчались для Вашингтона успехом. В конце 1991 г. от Югославии отделились Хорватия и Словения, а затем Босния и Герцоговина. В Югославии остались только Сербия и Черногория. Сербия, эта «метрополия» Югославии, не смирилась с подобным развитием событий и начала ожесточенную борьбу за сохранение рухнувшей федерации. В развернувшихся в США дискуссиях об отношении к конфликту между бывшими югославскими государствами усиливались голоса сторонников вмешательства в противоборство на стороне Боснии, в которой возникли внутренние кровавые столкновения между боснийскими мусульманами, хорватами и сербами. Сербия, решившая любой ценой удержать Боснию, готова была закрыть глаза на отделение Хорватии при условии, что та поддержит боснийских хорватов, и те совместно с боснийскими сербами лишат дееспособности боснийское мусульманское меньшинство. В этой ситуации руководство США во главе с Клинтоном выступило решительно на стороне мусульман: по инициативе Вашингтона в 1994 г. в Боснии была создана Мусульманско-хорватская федерация. В 1995 г. в начале в американском Дейтоне, а затем в Париже было достигнуто соглашение: Босния и Герцоговина признавались независимой конфедерацией, состоящей из двух частей — Мусульманско-хорватской федерации и Республики Сербской, вобравшей в себя боснийских сербов. Так завершилась кровавая гражданская война, в ходе которой враждующие стороны — сербы, хорваты, боснийские мусульмане не стесняясь в средствах истребляли друг друга. США твердо выступали на стороне мусульман. Позиция Вашингтона определялась рядом причин. Имело, например, значение то, что в глазах американской общественности Босния по национально-этническому составу олицетворяла политкорректный мультикультурализм. Но главным было другое — Босния соглашалась стать послушным клиентом США, в то время как Сербия не встраивалась в миропорядок по американской модели.

В 1997 г. о решении отделиться от Югославии (точнее, от того, что от нее осталось) объявил автономный район Косово, в котором этнически преобладают албанцы. Югославский президент С. Милошевич ввел в Косово войска, чтобы подавить сопротивление албанских повстанцев. На сторону последних встали США и НАТО, добившиеся для начала принятия резолюции Совета Безопасности ООН о прекращении военных действий Сербии в Косово. В начале 1999 г. после отказа Сербии принять условия НАТО, блок начал «гуманитарную интервенцию» (не санкционированную непосредственно ООН) против Сербии — Югославии. По социологическим данным более 50% опрошенных американцев поддержали свое правительство (с. 444, 445). По мнению автора монографии, события 1990-х годов, особенно сомалийская операция, показали, что «вьетнамский синдром» не был изжит в США полностью (с. 456—457). С этим можно согласиться, но с той важной оговоркой, что общественное мнение не соглашалось только с такой интервенцией, которая требовала от США чрезмерных людских жертв. Но отказаться от роли мирового гегемона, как это было после поражения во Вьетнаме, общественное мнение уже не было готово. Главная причина заключалась в том, что после завершения «холодной войны» и политический класс, и общественное мнение США уверовали в необратимое «предназначение» и право США быть распорядителем мировой политики.

Гегемонистская стратегия Клинтона и демократов была воспринята Дж. Бушем-младшим и Республиканской партией, пришедшими к власти в результате победы на президентских выборах 2000 г. Внешнеполитическая стратегия республиканцев отличалась от стратегических установок Клинтона и демократов еще более откровенным мессианизмом и агрессивностью. Ее авторов подчас называют вторым поколением неоконсерваторов, которое было убеждено, что двуполярный мир сменился однополярным, и американская демократическая империя (демократы понятие «империя» применительно к США не использовали), этот новый Рим, вправе по своему усмотрению распоряжаться судьбами человечества²⁰.

Пренебрежение к сложившимся международным институтам имело прямое отношение к такой важной новой доктрине, выдвинутой при Буше, как «коалиция желающих». Она была создана, вопреки отказу ООН поддержать американскую акцию, во время интервенции США в Ирак в 2003 г. «Желающих» оказалось 35, в два раза меньше числа государств, поддержавших интервенцию США в Афганистан в 2001 г., одобренную ООН.

Ставка неоконсерваторов на силовое утверждение американского миропорядка имела следствием появление в их арсенале такой важной новой доктрины как «смена режимов» (*regime change*). Формально она была озвучена после 11 сентября 2001 г. и стала известна как *доктрина Буша*. Фактически доктрина была выпестована в 90-е годы. Уже тогда неоконсерваторы стали рассуждать о *несостоятельных / не состоявшихся* государствах (*rogue states / failed states*), не способных естественным эволюционным путем трансформироваться в демократические и встроиться в американский миропорядок. Таким государствам следовало «помочь», свергнув в них «порочные» режимы и «даровав» демократию американского образца. Первым среди таких государств неизменно назывался Ирак. Согласно опросам общественного мнения, проведенного на второй год после прихода к власти «неоконов», 70% опрошенных заявили, что «Соединенные Штаты должны продвигать демократию во всем мире»²¹.

Как показано в монографии, общественное мнение США, поддержавшее Буша-младшего и неоконсерваторов в 2001—2003 гг., затем вследствие неудач и провалов американской администрации в Ираке неукоснительно теряло поддержку, и на основе анализа социологических опросов 2005—2009 гг. Д. В. Кузнецов приходит к выводу: «Фактически в июне 2005 г. в общественном мнении США в отношении иракского кризиса произошел своеобразный и при этом окончательный “перелом”. С этого момента постоянно более 50% американцев подвергали критике администрацию США... с этого момента данная тенденция стала окончательной... К концу президентства Дж. Буша-младшего произошло фактическое “возрождение” “вьетнамского синдрома”» (с. 534, 556).

Это суждение автора нуждается в осмыслении. Его монография заканчивается рассмотрением социологических опросов последних лет пребывания Буша-младшего у власти. Но после этого, в период президентства Б. Обамы, мы наблюдаем тенденцию иного свойства. В 2008 г. Б. Обама одержал убедительную победу на президентских выборах над республиканцем — «ястребом» Маккейном в значительной степени по причине краха имперского мессианизма администрации Буша-младшего. Альтернатива Обамы включала в 2008—2011 гг. отказ от навязывания американской общественно-политической модели странам, где не вызрели внутри-

²⁰ Подробно см.: *Согрин В. В.* Американская империя как исторический и современный феномен. — Новая и новейшая история, 2016, № 3, с. 91—109.

²¹ *McFaul M.* Advancing Democracy Abroad: Why We Should and How We Can. New York, 2009, p. 3.

политические предпосылки для прозападной демократизации, признание культурно-цивилизационного плюрализма в мире, замену однополярного подхода к разрешению международных конфликтов мультипартнерством, в котором на равных с Соединенными Штатами участвовали бы Китай, Россия и другие влиятельные «игроки». За эту инициативу Б. Обама был осенью 2009 г. удостоен Нобелевской премии мира.

На том этапе Б. Обама для реализации своей программы предпринял ряд практических мер, включавших среди прочих «перезагрузку» отношений с Россией. В рекордно короткий срок, в течение года, две державы подготовили и в апреле 2010 г. подписали договор о дальнейшем ограничении стратегических наступательных вооружений (СНВ-3). «Перезагрузка» была реальной и значимой, но тем более неожиданной явилось ее резкое прекращение в 2012 г.

Непоследовательность внешнеполитического курса Обамы во многом объяснялась жестким сопротивлением его курсу со стороны Республиканской партии, как и иных политических структур из консервативного лагеря. На протяжении всего пребывания Обамы у власти республиканцы, в первую очередь «неоконы», подвергали его разносторонней критике, доказывая, что внешняя политика президента-демократа противоречит национальным интересам США, а то и вообще является их прямым предательством.

Обаму неизменно критиковали за то, что он «предал» Израиль («толкнул Израиль под автобус», как заявил республиканец М. Ромни, его оппонент на президентских выборах 2012 г.), главного союзника США на Ближнем Востоке, потребовав от него полностью заморозить строительство израильских поселений на оккупированных территориях, а сами эти территории отдать палестинскому государству. Жестко осуждалась концепция мультипартнерства, тесное сотрудничество с ООН и нежелание Обамы опираться на «однополярный» мировой порядок. Категорически осуждались «преждевременный» вывод войск из Ирака и желание в кратчайший срок уйти из Афганистана. Неизменно подвергалась критике «перезагрузка» в отношениях с Россией, отказ «педалировать» российско-грузинский конфликт, «пренебрежение» целенаправленным «продвижением демократии» как в самой России, так и на постсоветском пространстве. Решительно не принимались его «заигрывания» с Кубой, Венесуэлой, другими латиноамериканскими странами, где у власти находятся левые режимы. «Неоконы» подталкивали Обаму к войнам против Ливии, Ирана, Сирии. Ни под каким видом не принимали даже малейших сокращений на оборону.

Обама не устоял перед императивом имперского господства. Реанимация им имперских доктрин имела основание, заключенное в национальной ментальности. Имперское вождество прочно вошло в американское национальное сознание и противостоять ему означало со стороны Обамы подвергнуть себя национальному остракизму. Известный американский кинорежиссер О. Стоун в публицистической истории США, переведенной на русский язык, отметив, что внешняя политика Обамы «принесла даже больше разочарований, чем внутренняя», вместе с тем констатировал, что президенту приходится считаться с общественным мнением: «Отказ Обамы трубить на весь мир, что США — дар свыше всему человечеству, дал республиканским лидерам (которым прекрасно известно, что 58% американцев считают, будто “Бог отвел Америке особую роль в человеческой истории”) использовать его взвешенные высказывания для грубых нападок»²². Обама не устоял и закончил президентство пленником имперского императива.

²² Стоун О., Кузник П. Нерассказанная история США. М., 2015 (1-е изд. — 2014), с. 16, 740.

Исчерпал ли «вьетнамский синдром» себя в США? Многие американцы, как показывают социологические «замеры», не удовлетворены имперскими устремлениями своей страны. Но все же большинство выразителей общественного мнения привержены духу «американской исключительности», мессианскому предназначению и лидерству США. «Вьетнамский синдром» через полстолетия поражения США в азиатской стране, а особенно после победы США в «холодной войне», постоянно ослабевал. Его полнокровному возрождению не помогли даже поражения США на Ближнем Востоке и современные провальные попытки переделать на свой лад и «приручить» мусульманскую цивилизацию.